

ЧТОБ ПОМНИЛИ

*Знаменитому бригадиру каменщиков,
первостроителю Солнечного М. Самар*

Зачем писать сегодня мне
Романтикам шестидесятых?
Чтоб не остаться в стороне,
Коль речь пойдет о славных делах.

Чтоб мы все осознать смогли —
Они романтиками были.
О них не часто речь веди,
А, может быть, уже забыли?

Когда-нибудь мы все поймем,
Как наши представления зыбки.
На стройках с песней озорной
Рос Солнечный. Цвели улыбки.

В тайге вставляли города,
Они для нас их создавали.
А мы, порою, как всегда
Сказать: «Спасибо!» — забывали.

Хочу, чтоб помнили всегда
И те кто стар,
И те кто молод.
Кто строил наши города,
Кто подарил нам этот город.

Ведь, как нужны сейчас стране,
С лихвой хлебнувши в жизни горя,
Романтики далеких дней,
Чтоб начинать Россию строить.

ПЕСНЯ О СОЛНЕЧНОМ

Посвящается В. Кузиной

Ночь тишиною вечернею полнится,
Тихо тайга засыплет вдали.
В сопках и сумерках кроется Солнечный,
Словно на рейде в туман корабли.
Солнечный! В лунном ярком свечении,
Как белокаменен ты и высок,
Солнечный! Словно ночное видение,
Сказочный наш городок.
Ночь разбросала жемчужиной краски,
Свет электрический здания льют.
Вышли Алenuшки, словно из сказки,
Значит с гитарою царевичи ждут.
Солнечный! В лунном ярком свечении,
Как белокаменен ты и высок.
Солнечный! Словно ночное видение,
Сказочный наш городок.
Смотришь на город глазами влюбленного,
Гордость за юность теплеет в душе.
Эти царевичи, эти Алenuшки
Сказочный город создали в тайге.

МОЕМУ ПОСЕЛКУ

*Посвящается первооткрывателю
Солнечного В. Михалеву*

То ли по привычке,
Или для потехи,
К черту на кулички
Взял да и уехал.
Думал ненадолго,
Просто поскитаюсь,
А потом в дорогу—
И домой смотаюсь.
Что не видел раньше,
То теперь я вижу.
Чем года подальше,
Тем поселок ближе.
Я ж не мог предвидеть,
Я ж не мог представить,
Чтоб его не видеть,
Чтоб его оставить.

20

ДАЛЬНИЕ ДАЛИ

Первооткрывателю п. Солнечного

Ах, дальние дали,	Знали, что сбудется,
Дальние дали...	Знали, что скажется,
Вот мы приехали	Знали, что манна
Вас увидели,	С неба не свалился.
Вот и мы прибыли	Ах, дальние дали,
В юность тревожную,	Дальние дали...
Входим в тайгу	Так вы покой
Еще строго таежную.	Нам и не дали,
Ах, дальние дали,	Чем вы так тянете?
Дальние дали...	Чем вы так маните?
Как мы, романтики,	Знаю, вы чистые,
Встреч этих ждали.	Вы не обманите.

21

РАБОЧЕЕ УТРО

*Заслуженному бригадиру
проходчиков Б. Меркель*

А в Солнечном мороз трескучий —
Вновь всем прогнозам вопреки,
Ушанки снега нахлобучив,
Спят нежно сопки у реки.
Шумом моторов день распорот,
Идут автобусы гурьбой.
Спешу на рудник в жгучий холод,
А там с ребятами в забой.
Мороз мне щиплет нос и пальцы,
И хоть морозец нынче крут,
Да нам в подземку лишь добраться,
А там замерзнуть не дадут.

КАКОЙ Я СЧАСТЛИВЫЙ...

Один я в тайге потихоньку шагаю,
И здесь от любви в синеве утопаю.
Зеленые очи зеленого клена
Глядят на меня удивленно, влюбленно.
И в ясные дни, да и в лунные ночи
Березка со мной расставаться не хочет.
Задумчиво сопки меня обступили
И шепчут мне тихо:
«Какой ты счастливый».

ПОЖЕЛАНИЕ ГОРНЯКАМ

Всего — то надо им пока:
Ни кладов,
Ни больших окладов.
Был бы успех у горняка,
И чтоб успеху были рады,
Тепла людского,
Добрых смен,
Когда в подземку он заходит,
И в царстве медных королев
Там драгоценный клад находит.
Чтоб каждый день
И все года
Его любимая встречала,
Лица ее чтоб никогда
Дурная весть не огорчала.

Памяти журналиста Михаила Кускова

Поэтов знакомые лица
Мелькали, как сны, наяву.
Все рвались пробиться в столицу,
А ты все в «районку» свою.
И ведь не жалея ты нисколько,
Что слава идет стороной,
Серьезно болел за «районку»,
Как самый серьезный больной.
За этот поселок, с которым
Расстаться никак ты не мог.
Который все тащится в гору,
Хромая от разных невзгод.
Роман о тебе не напишут,
И слава войдет не в гранит.
И все же ты в Солнечном, Миша,
Остался, как Бог, знаменит.
За то, что от всех в не утайке,
Газетой дышал ты и жил.
Статьями подкручивал гайки
И души стихами поил.
И пусть этой нужной работы
Бессмертье не примет в зачет,
И все же потомок в «районке»
Стихи твои, Миша, прочтет.
Встряхнет вдруг газету от пыли
И скажет о нас он с тобой:
— По-разному глупыми были,
Но чистые были душой.

НЕ ДО ЛИРИЗМА

Как хорошо уйти порою в лес,
Забиться там, как говорят в народе,
Послать к чертям двадцатый век, прогресс
И там отдать всего себя природе.
 Забиться, как с утра и до утра
 Чесали гонор мой, а кто-то шло мылил,
 И как визжит асфальт, мембранит как стена,
 Как жизнь берет то горлом, а то силой.
Там окунуться в раннюю росу,
И пусть невзгоды в синеву утонут,
Но понял я, что даже здесь, в лесу,
Не только хвоя нас порою колет.
 Как в жизни, и в лесу бросает в пот,
 И здесь природу превратили в моду.
 Кусты ломает «Газик» — бегемот,
 И холь собою прикрывая природу.
«Последний лось!» — и чей-то дробовик
Заденет душу не на стих — на муки,
И старый кедр головой поник.
Сирень в тоске залмывает руки.
 Хрустально звонкой затихает лес,
 А мне душа кричит: «Не до лиризма!»
 Зовет: «Беги! Пусть тем проблемам бес!
 Сумей глубокий выдох сделать в жизни».
Нет, от себя уже не убежишь,
Природу превратили мы в калеку,
На крыльях будто в лес порой летишь,
А попадаешь в когти человеку.

НАШ СОЛНЕЧНЫЙ

*Первостроителю Солнечного,
заслуженному бригадире
маляров И. Чажко*

Наш Солнечный все же не южный,
Ведь здесь зимой, порой, за сорок.
Неделями поземка выюжит
И зимний бег довольно долог.
Наш Солнечный все же не южный,
Хоть здесь в жару, порой, под сорок.
И знойный день над тайгой кружит.
И летний дождь бесценно дорог.
Наш Солнечный все же не южный,
Но ты, как раз, такой нам нужен.
Где даже рывки, губы, слезы
Польностью пахнут и березой.

ГОСПОДИ, ПРОСТИ!

Г. В. Макаровой

Что ни день, как будто начинаю снова,
Хоть за собою я не жгу мосты.
Нанизываю я на сердце слово,
А за грехи все —

Господи, прости!

Познал я в жизни встречи и разлуки!
Не признавал всеобщий идеал.
На чужом горе я не грею руки,
Печаль других на щит не поднимал.

Свои грехи всегда ношу с собою.
И не скажу, что это не болит.
Не избалован я своей судьбою:
Познал я взлеты, уваженье, стыд.

Я все познал. Меня не раз ломали.
Хлестала жизнь безжалостно кнутом,
Но не утратил вещей слов я мамы:
«Сыночек, совесть — высший твой Закон!»

Усвоил, мама, я твою науку,
И честно жизнь свою уже прожил.
Всевышнему не протяну я руку,
Если он скажет: «Совестью грешил!»

Жизнь быстрая меняет идеалы.

«Вожди» все рвутся вновь

на пьедестал.

Но Русь моя в раздорах, испытаньях
Для меня все же — высший идеал!

Ведь тут мои и осени, и весны,
Ведь тут мои и звезды, и кресты!
О Русь моя! Перед тобой я честен.
За все другое —

Господи, прости!

ПАМЯТИ АРОМАЗОВА

Заслуженного бригадира проходчиков

Они немало штолси пробурили:
И восстающий били, и штрекла,
И вот они опять штурмуют жилу,
Привычно сжавши молотки в руках.
До гула в теле, до седьмого пога,
Упрямо направляя в жилу бур,
У них Закон – работа так работа,
А перекур – так значит перекур.
У них и план весомый и солидный,
Мужское слово – твердое, как сталь.
И может с цикла, что сегодня выдан
На спутник к Марсу сделают деталь.

ОН СТАЛ МНЕ РОДИНОЙ

✓ Живем мы в маленьком поселке,
До неба здесь достать рукой.
Порой осенней плачут сопки,
Зимою – вьюга над тайгой.
В любой мороз меня он греет,
Хоть весь поселок замело.
Он стал мне Родиной, а с нею
Всегда, как с матерью, тепло.

✓ МОЙ ПОСЕЛОК

В родном моем поселке
В горячем ветерке
Купаются березки,
Как гуси на реке.
Лукается лето
С росистою травой,
И соткана из света
Листва над головой.
В таежной здесь усадьбе
С зари и до зари,
Как женихи на свадьбе –
шагают глухари.
Здесь вечерами бродит
Царевна медных гор,
Здесь юность моя ходит,
Где город строил свой.

ДОМОЙ С РАБОТЫ

Домой с работы,
Камнем в койку.
Усталость плечи давит вниз,
Но не вино судьбу нисколько,
Ее мне нравится каприз,
Пусть жизнь, как хочет, куролесит,
В любой толкнет водоворот.
Пусть перекрутит, перемесит,
Перевернет наоборот.
Пусть тербит, как хочет, душу,
Но знаю я – наверняка,
Что в трудный час я вряд ли струшу,
Выйду всегда из тупика.
Ценней тогда мне счастье будет.
Сильней им стану дорожить.
И мне роднее будут люди –
Те, кто умеет трудно жить.

ЗИМНЕЕ ЧУДО

Внучке Кате

Зеленые зимою ели
Бредут в поселок чрез холмы.
Как будто вырвали из плена
Кусочек лета у зимы.
И вроде чуда в этом нету:
Всего – то зелень во дворе...
А вот, поди ж ты, хранят лето
Зимою ели во дворе.

НЕПОГОДА

Вновь завьюжило, окна застыли,
И нерадостный что-то прогноз.
К непогоде вновь кости заныли,
Видно, снова проклятый хондроз.
Я сжимаю тихонько ладони,
Боль устало унять тороплюсь.
Не к врачу я иду, а к иконе,
Не на них — на икону молюсь.
Чай выпью я самую малость,
Музу в гости к себе позову.
Все еще что-то делать пытаюсь,
А раз делаю — значит живу.

ОСЕННЯЯ ПОРА

Внуку Андрюше

Золотой иду дорожкой —
В золотом расцвете дня,
Золотистые березки
Сыплют листья на меня.
Уже клены и осины
Сняли летний свой наряд.
Лишь за Силинкой рябины
Чистым золотом горят.

МОЙ КРАЙ

Внучке Тане

Я вновь в тайге, где поют птицы,
Где пляшет солнышко в росе.
Тайги зеленые страницы
Мною прочитаны не все.
В траве кузнечики стрекочут,
А в небе — строчкой журавли.
Мой край,
как звонкий колокольчик
В негромкой музыке земли.

«ДАВАЙТЕ, ЛЮДИ, НЕ ИГРАТЬ В ВОЙНУ»

Время стирает боль, переживания, страдания, которые люди пережили в годы войны. Хорошо это или плохо? Наверное, хорошо. Потому что жить в постоянных страданиях, тем более, когда в наше время их так хватает, нельзя.

Но, с другой стороны, никак нельзя забывать того, что было пережито нашим народом. И вот эту память о войне в своих стихах несет к людям В. С. Рыбченко.

Писать стихи Вильгельм Семенович начал в молодые годы. Это были стихи о любви, о труде, о гражданском долге, философская лирика. И все его творчество связано с активным отношением к жизни. Он никогда не стоит в стороне от событий, душа не молчит, а выливается в стихи. Вильгельм Рыбченко считает, что дом поэта передать свои впечатления через стихи людям.

Особое место в поэзии Вильгельма Семеновича занимают стихи, посвященные ветеранам Великой Отечественной войны, воспоминаниям военного детства, призывы к миру. Постоянно общался с ветеранами, бывая на встречах с ними, торжественных вечерах, он создает стихотворения, посвященные А. И. Палухову, журналисту, участнику битвы под Москвой; М. Дергачу, которому не было и 20 лет в годы войны, когда он в должности комбата участвовал в исторической битве за Днепр.

Останется в сердце комбата
Далекая эта пора,
Как там, в сорок третьем, когда-то
Хлебнул он воды из Днепра,
И пить им из смертной той чаши
Пришлось до Победы не раз!

А стихотворение «Раненый солдат» проникнуто особой болью и теплотой. Обратите внимание на заключительные строки:

Я был землей и на земле пропалой,
Я был сломом, в сгоревшем том селе
Мне все казалось, птицы распевали
На этой так израненной земле...

Мне хочется сравнить этих солдат с Андреем Болконским, его патриотизмом в сражениях за Россию. И вот этими талантливыми строками Вильгельм Семенович говорит о тех Андреех Болконских, которые защищали Родину в годы Великой Отечественной войны.

Боль, которую принесла война людям, воспоминания военного детства переданы в стихах: «Дети войны», «Памяти матери», «Я имена героев изучаю», «Память» и другие. В стихотворении «Рукавицы» Вильгельм Семенович передал свои детские впечатления о дяде, который вернулся с фронта без руки.

...Мать подарок вынимает
И целует сына в щечку
— Вот на левую
— На правую,
Глады, руки нет
у сыночка...

Нравственным критерием в поэзии о войне является оценка послевоенных событий, осуждение войны, призыв к миру, к вечной памяти героев.

В стихотворениях: «Безымянные герои», «Если б юганы», «Это война», «Давайте, люди, не играть в войну», «За мир» красной нитью проходит призыв поэта беречь мир на планете. Он считает себя ответственным за то, что происходит и в наши дни — войну в Чечне:

...Чтоб даже слово о войне
Считаться стало преступленьем,
Ведь и за этот мир вдвойне
Ответ несущ перед поколеньем.

Вильгельм Семенович часто выступает со своими стихами на творческих вечерах, концертах, на торжественных праздниках, куда его часто приглашают.

Творчество В. Рыбченко — это прекрасный материал для воспитательной работы с нашими детьми, молодежью. И пусть оно процветает.

Н. Навроцкая,
методист ПУ-34.

ВЕСНА. ЧИСЛО ДЕВЯТОЕ

Ветеранам Великой Отечественной войны посвящаю

Огонь и воду мы прошли,
Прошли и трубы медные...
От сорок первого мы шли
И шли до дня победного.
Горит вечерняя звезда
Над павшими ребятами,
Что не дошли с тобой тогда
К весне. К числу девятому.
Сраженья в памяти свежи
Походами былинными.
Играют юркие стрижи
Над братскими могилами.
У Вечного Огня стоим,
Течет слеза проклятая,
Ах, как дойти хотелось им
К весне. К числу девятому.
Земля оправилась от ран,
Заросшею воронкою.
Стреляет память
в сердце нам
Далекую похоронкою.
Шагают внуки на парад.
Течет слеза проклятая,
Бушует май,
Лихует май,
Весна. Число девятое!

КОМБАТ

*Посвящается И. М. Дергачу
и А. К. Полосухину,
участникам битвы за Днепр*

Останется в сердце комбата
Далекая эта пора.
Как там в сорок третьем, когда-то
Хлебнули воды из Днепра.
И пить им из смертной той чаши
Пришлось до Победы не раз.
Пока прорываюся наши
На правый наш берег — не наш.
А солнце, как рана кровавое
И, кажется, нету надежд.
Но дело у воина правое —
Прорваться на правый рубеж.
К нему тогда было не близко,
Рукою подать до беды.
И ставили там обелиски
Снаряды врага из воды.
Но к правому воины рвутся,
Им нужно, им надо дойти,
Команды комбата даются,
Комбату ведь нет двадцати.
Они выполняются свято.
На смерть и бессмертье ведут.
Был бой там последний комбата,
А, может, последний был путь.
Что с ранами выжить удастся,
Не думал в то время комбат.
Не верил тогда, в восемнадцать,
Что будет иметь семьдесят.

«Я ИМЕНА ГЕРОЕВ ИЗУЧАЮ»

Мне шесть годков.
Счастливы День Победы.
Народ ликует, не стесняясь слез.
Не порохом в деревне пахнет небо,
А ветками сирени и берез.
Мне шесть годков.
Прекрасный день весенний,
Земля в душистом запахе травы.
Планета очумела от веселья,
Но горек одинокий взгляд вдовы.
Мне шесть годков.
А я стою печальный
У траурных мемориальных плит.
По имени героев изучаю
Спасенный ими русский алфавит.

ВETERANAM СОЛНЕЧНОГО

Низкий поклон от нас вам, ветераны.
На вас равнялись, чтоб шагать верней.
Всегда вы с нами...
И гадать не надо —
Произрастаем от каких корней.
Спасибо вам!

Что нас добру учили,
И прививали к Родине любовь,
Что бескорыстно мужество и силу
Вы нам переливали, словно кровь.
Вы нас без назидания учили
Добру и правде,
не прощая лжи.
И в люди поколения выводили,
Учили брать любые рубежи.
И если мы теряли направленье
От разных бед, невзгод и кутерьмы,
Всегда на вас держали мы равненье,
Всегда в строю шагали с вами мы.

Я, МАМА, ЖИВИ!

Годы по памяти плывут
Военной зыбкою порошей.
В поселке женщины живут
Седые, старые, как осень.
Не сходит грусть с лица у них,
Тревога в сердце бьется громко.
Для них все также не затих
Бой, отгремевший похоронкой.
В годах и дочки, и сыны,
И внуков даль—дорога манит.
И все ж живут следы войны,
Врезаясь резкой грустью в память.
И только сны, где им конец,
Она их видит до рассвета.
Да со стены сынок—боец:
«Я, мама, жив!», —
кричит с портрета.
Я их встречаю и сейчас.
И в поле клавиюсь им низко.
И в День Победы каждый раз,
Я вижу их у обелисков.

ПАМЯТИ А. И. ПАЛОУСОВА

Участнику битвы под Москвой

Слез не стыдитесь, ветераны,
Сегодня спрятать их нельзя.
Еще болят и ноют раны
И снятся павшие друзья.
Еще ничто не позабыто
И не забыть вам никогда,
Как немец шел, как немец сыпал,
Как рвался он к Москве тогда.
Еще осколки не остыли
И часто видится во сне,
Как там кипит, гудит от взрывов

Волоколамское шоссе.

Как вы с приподнятой гранатой,
С охрипшим голосом: «За мной!»
Шли так в бессмертие когда-то,
Прикрыв собою шар земной.
И пусть пронесся гром над вами.
И слава вылилась в гранит.
Но те слова: «Москва за нами!»
Навечно юность сохранит.

ЕСЛИ Б Я МОГ

Если б я мог для ребят из пехоты
Грудью прикрыть пулеметные дзоты.
Броситься с связкой гранат под машину,
Ночью попасть, как отец мой, на мину.
Если б я мог за правое дело,
Жизнь свою отдать, как отдал Гостелло.
Я бы не дрогнул — знаю заранее,
Я б на любое пошел испытание.
Ради того, чтобы парни те жили,
Что не допели, не долюбили.
Что по Европе застыли в граните,
Слышите?
Память о них сохраните!
Это они путь фашизму прикрыли,
Чтоб мы допели и долюбили!

РУКАВИЦЫ

Степану Виренко

Быстро ходят в пальцах спицы.
Мама словно на работе
Вяжет сыну рукавицы,
Он давно уже на фронте.
Тепло будет дорогому,
Как вернется он до дому.
Ведь подарочек на славу:
И на левую, на правую!
Сын продрог, озиб в дороге
И пришел он с фронта в хату.
На отцовском встал пороге:
«Здравствуй, мама!
Здравствуй, папа!»
Мать подарок вынимает.
И целует сына в щечку:
«Вот на левую, на правую!»
Глядь — руки нет у сыночка.

БЕЗЫМЯННЫЕ ГЕРОИ

Была война, были герои,
Никто не знает их имен,
Они ведь, как титаны Трои,
Не отдали своих знамен.
Под пули первыми шагали.
Умели гордо умирать.
Ведь свято верили и знали,
Что одолеют вражью рать.
Что своим духом заворожат,
Парализуют целый фронт.
И что от них вся вражья свора
Уйдет туда, за горизонт.
Они к победе лишь стремились.
И гордо падали в бою.
Ведь для того они родились,
Чтоб Троию отстоять свою.
Не раз врагов и к нам незванных,
На Родину когда-то шло.
Сколько героев безымянных
За Русь святую полегло.
Ордою мчат десятилетия,
Где ж те могилы, где кресты?
Чтобы могли и в наши ветви,
Герои Трои прорасти.

«МНЕ ДАЖЕ СТРАШНО»

Памяти ветерана войны

Мне даже страшно, если вдруг услышу:
«Тема войны сегодня устарела».
И даже мысль об этом ранит душу,
И сердце разрывается от гнева.
Как это можно?
Кто сказал когда-то?
И кто подумать даже мог про это.
И как в глаза посмотрит он солдату,
Что на него юнцом глядит с портрета?
Где тот тщеславный и бездушный вакуум,
Которому подлая сюжет особый,
Сходил бы ты разок в атаку,
Где плавился металл особой пробы!
Иль посмотрел на бой разок воочию,
И на врага пошел бы в рукопашную
Вот с тем солдатом, что морозной ночью
Бессмертья выпил огненную чашу.
Мне даже страшно, если вдруг услышу:
«Тема войны сегодня устарела».
И даже мысль об этом ранит душу,
И сердце разрывается от гнева.

УЧИТЕЛЮ

Памяти А. К. Михайловой

Что говорить,
Пожалуй, каждый,
Не только я,
Не только я,
Большой любовью
Вам обязан
За высший смысл бытия.
Пусть, забывал,
Порою, каюсь,
Когда входил
С друзьями в класс,
Что Вашей мудростью
Питаюсь,
Что в долг беру
Ее у Вас.
Что Вы меня
Добру учили
И на всю жизнь
Запомнил я:
Что будет дважды два —
Четыре.
Что труд — основа бытия.
Что говорить,
Пожалуй, каждый
Не я один,

Не я один,
Большой любовью
Вам обязан
Со дня рожденья —
До седины.
Пусть у меня,
Уже с годами,
Виски в обильной
Седине.
Все же в долгу
Я перед Вами
За все хорошее
Во мне.

ИСТИНА

Поэту Анатолию Жигулину

Как к истине меня не допускали,
Кричали и бранили на чем свет.
И правдой, и неправдой заслоняли,
Кричали мне: ее на свете нет!
И на мою израненную душу
Накладывали лживый, страшный шов,
Чтоб я ее не видел и не слушал,
Чтоб все забыл,
А я к тебе все шел.
На ощупь так, — почти по миллиметру
Под крики рулевых и их угроз.
К тебе сквозь бури, громы и сквозь ветры
Я пробирался, дрался, даже полз.
Искал тебя под сводами закона,
И лишь в последний миг встречались мы, —
Десятки нас погибших миллионов,
В заснеженных просторах Колымы.

ВРАНЬЕ

Бывало все — в любое время года.
Врал царь царю — во времена похода.
Врали плуты. И врали нам гадалки.
Врал и рыбак друзьям после рыбалки.
Врал Дон-Жуан своей ревнивой бабе —
Платила та не меньше и ему.
Но чтобы в государственном масштабе,
Десятки лет — народу своему!
И чтоб народ в ладони хлопал.
Вранью был рад, навверняка,
Со дня всемирного потопа.
Такого не было пока!

РОДИНА

Откуда родом я?
Из края, что горняками знаменит.
Где с гор, живой водой играя,
К Амуру Силинка бежит.
Где сочным ягодным наливом
Залита осенью земля.
Где в облака зеленым взрывом
Упрямо рвутся тополя.
Откуда родом?
Из поселка, что нет на глобусе пока.
Где, оседлав вершины сопок,
Гарцуют в небе облака.
Где Русь, что не окинешь взглядом.
Луна здесь лебедем плавает.
Где по соседству, со мной рядом,
Царевна медных гор живет.

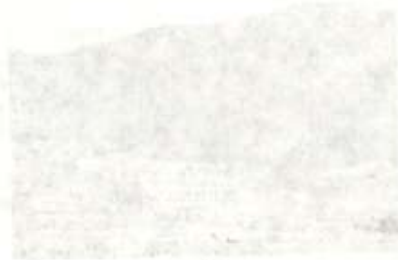
ТЫ НЕ ВЕРЬ ИМ

Возвеличь ты просторы родные.
Отыщи своих предков следы.
И не верь им, что нету России —
В своем сердце ее возведи.
Ты творец ее,
Ты ее автор.
Недоверьем своим не греши.
Если в сердце своем записал ты,
То теперь — в небеса запиши.
И увидишь тогда — с недорода
Не вертеп, не безбожный бедлам.
Ты возьми своей верой, свободой,
Возврати вновь руины во храм.

ПОСЛЕ СМЕНЫ

Памяти В. Рябова, кавалера
3-х орденов Трудовой Славы

Когда выходит из забоя,
Где все во мрак погружено,
Для кого небо голубое,
Для него светлое оно.
Забудет он про папиросу,
Вдыхая утренний настой,
Где ароматом пахнут росы
И майской юною травой.
Ему б природой насладиться
И захмелеть от красоты.
А он на камень вдруг садится,
Чтоб не помять в траве цветы.

САН-ФРАНЦИСКО

Красивый город Сан-Франциско.
В нем, говорят, много чудес.
Все же не там моя прописка,
Пешком под стол ходил я здесь.
Кто-то Париж увидеть рад бы,
Италию и Сингапур.
Кому-то нравится Канада,
Мне мой поселок, мой Амур.
Заморским странам удивляюсь
И побывать бы в них хотел.
Бить эмигрантом — не решаюсь,
А гостем просто — между дел.
Там, где живем, там умираем,
Если видеть хочешь рай,
То сделай так, чтоб стал он раем
Поселок твой — родной твой край.

